

**МАТЕРИАЛЫ К ОБСУЖДЕНИЮ В ГАХН
ДОКЛАДА А. К. ГОРСКОГО
«Л. Н. ТОЛСТОЙ И Н. Ф. ФЕДОРОВ»**

ПРОТОКОЛ № 9

**ЗАСЕДАНИЯ П/СЕКЦИИ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ЛИТЕРАТУРНОЙ СЕКЦИИ ГАХН
от 10-го февраля 1928 г.**

Присутствовали: Н. К. Гудзий, П. А. Журов, Н. Г. Зеленев,
М. Н. Петерсон, Д. С. Усов, И. Р. Эйгес, Б. И. Ярхо¹.

Председатель: Н. К. Гудзий. Ученый секретарь: Д. С. Усов

Заседание открывается в 19 ч. 40 м.

Слушано 1. Протокол № 1.
Постановлено 1. Утвердить.
Слушано 2. Доклад А. К. ГОРНОСТАЕВА «Лев Толстой
и Н. Ф. Федоров».
(Тезисы прилагаются.)

П. А. ЖУРОВ отмечает широкое использование материалов в докладе. А. К. Горностаев прав, что Толстой не весь узан; например, письма его к Добролюбову дают черты, не совпадающие с «житийным» образом Толстого.

В докладе есть намерение подвести Толстого под Федорова. Это неправильно. Утверждение, что мысли Толстого о смерти явились результатом ознакомления с «Философией общего дела», остается на совести Н. Ф. Федорова². Существенные черты проповеди Толстого показаны в докладе как обратная сторона учения Федорова, как программа-минимум, высказываемая людям ввиду их несовершенства. Толстой всегда мучительно переживал вопрос о смерти. Разве не могли укладываться в психике этого человека разные грани отношения к смерти?

Не воскрешение во плоти было существенным для мысли Толстого. В Толстом всегда можно наблюдать стремление преодолеть страх смерти. С этой целью он пересматривает учения всех мудрецов мира. Докладчик желает уловить внутреннее сходство между Толстым и Федоровым. Это кажется не вполне убедительным в докладе, а по существу даже не вполне закономерным.

Н. Г. ЗЕЛЕНОВ: Самое ценное в докладе — это утверждение о напряженном взглядывании Толстого в смерть. Федоров явился, в сущности, случайной, [1 нрзб.] фигурой в жизни Толстого. Толстой в жизни к очень многому прислушивался и присматривался. Специальное исследование вопроса не оправдывает трудов, посвященных на него. Методологически неправомерно обращение к воспоминаниям Тенеромо, Горького³. Для научного исследования материал воспоминаний — весьма шаткий материал. Взгляд Плеханова — «для Толстого не могло быть ничего утешительного в христианской мысли о бессмертии души — ему нужно было бессмертие тела»⁴ — являет ложное понимание Толстого. Для Толстого характерно органическое расхождение с обрядовыми сторонами религий и даже со всеми научными мирозерцаниями там, где придавалось излишнее значение внешней стороне вопроса о воскрешении. Для Толстого отправной пункт — смерть; основной вопрос, который ставится: дает ли мне удовлетворение та или иная философская система, если я завтра умру? Мысль о влиянии Федорова на Толстого, несмотря на огромный подобранный материал, остается недоказанной, и вряд ли ее и возможно доказать. Весьма показателен рассказ о столкновении Толстого с Федоровым в Румянцевском Музее: Толстой говорит, что хорошо бы сжечь все эти книги; Федоров же, для которого книга была святыней, надгробным памятником, отпечатком жизни самого автора, резко возражает, что он доселе не видал такого глупца⁵.

И. Р. ЭЙГЕС соглашается с высказанным одним из оппонентов мнением, что Толстому чуждо было воскресение во плоти. Толстой дорожил Федоровым как своеобразным учением о бессмертии — что не было специфическим федоровским аспектом. Вообще говоря, все мысли Толстого наличествуют в его дневниках, и, может быть, эти мысли о смерти зафиксированы уже ранее. Для утверждения об особой значительности мировоззрения Федорова для Толстого нет данных. Доклад представляет собой ряд психологических и философических фантазий. Докладчик диалектически развивает, как можно претворить взгляды Федорова в учение Толстого. Но такое диалектическое изложение может быть проведено на материале любого мыслителя.

Д. С. УСОВ находит, что упрек, будто доклад представлял ряд «философических фантазий», не может быть распространен на

всю работу в целом. Если заострение ее — утверждение о том, что учение Федорова помогает увидеть «подспудное пламя, скрытый пафос Толстовской проповеди», — вызывает споры, то работа в ее биографической части является ценным напоминанием об одной из забытых страниц художественной биографии Толстого, а также и о личности Н. Ф. Федорова, «стоящей как бы в тени смирения», по выражению В. Ф. Эрн.

Н. К. ГУДЗИЙ: А. К. Горностаев коснулся центрального момента в мирозерцании Толстого, который связан и со всею его литературною деятельностью. Для осмысления его важно установить его источники и дать его генетическое истолкование.

Если бы удалось доказать значение Федорова для психологической и религиозной системы Толстого, то гипотеза А. К. Горностаева стала бы открытием первостепенной важности для биографии Толстого. Но исчерпывающих позитивных данных докладчиком не приведено.

Должно помнить, что путь Толстого был очень органическим. Влияние Федорова на Толстого принадлежит к тем влияниям, которые не поддаются достаточно четкому житейскому, биографическому осмыслению. Последняя часть доклада несомненно искусственна, но, как заметил Д. С. Усов, она не исключает мысли о некотором влиянии Федорова и об интересе Толстого к нему. Докладчик приводит фразы Толстого о смерти: «смерть — вещь недурная» (апрель 1899) и еще раньше, с черепом в руках: «люблю эту курноску»⁶. Но эта фраза могла быть шуткой, искрой задора; между тем Федоров построил на ней всю систему своего отрицательного отношения к Толстому. Отношение же Толстого к смерти, конечно, не было положительным. Чтобы обосновать свое мнение о влиянии Федорова на Толстого, докладчик прибегает к ряду гипотез. Приходится возразить, напр<имер>, что Толстой вполне мог говорить членам Психологического Общества с усмешкой об учении Федорова⁷. Почему учение Федорова рассматривается как единственно известная Толстому философская система с отрицательным отношением к смерти? Наконец, тезис 6-й — о попытках Толстого к выведению идей Федорова из мрака неизвестности и ко внедрению их в умы современников, после неудачи каковых попыток он и отошел на свои «толстовские» позиции, — не оправдывается ни биографически, ни психологически: если бы Толстой почувствовал в системе Федорова зерно, близкое себе, — он стал бы доказывать истинность его учения и не убоился бы никакой оппозиции.

А. К. ГОРНОСТАЕВ: Некоторыми оппонентами правильно было отмечено, что эта черта в биографии Толстого не исследована. Толстоведение не может отвести от себя этого вопроса. Утверж-

дая, что идеи московского библиотекаря проникли мысль яснополянского помещика и перепутали все ее ходы, докладчик высказывал предположение о степени влияния Федорова, и для подкрепления его, действительно, необходим еще огромный материал. Большинство возражений все же не показались убедительными.

Толстой и Федоров то и дело сближаются и отталкиваются. Кроткий Федоров, как учитель, был слишком непреклонен и прямолинеен. Непонимание между Толстым и Федоровым было непониманием между всяким мыслителем, действующим мозговым способом, и художником, идущим обходными путями. Толстой не до конца убежден был в учении Федорова, и потому у него не хватало смелости для целостного его приятия. В докладе указывалось на сложные счеты Толстого со своими подсознательными взаимоотношающими элементами.

Толстой говорил: «Как Тургенев не боялся бояться смерти?»⁸ Страх Толстого — это страх страха, страх в квадрате. И первая задача Толстого — преодолеть животный страх смерти. Первая задача Федорова — преодоление смерти всех.

К стихотворению Владимира Соловьева памяти Фета — «Он был старик давно больной и хилый» Н. Ф. Федоров делает маргинальные пометки; к строкам «Но почему же с этою могилой меня не может время помирить?» — «А с чьею же могилой время может примирить?» и к последним строкам: «Умерщвленное не может быть примиренным»⁹. «Философия общего дела» выдвигает принцип братской любви, восстановление братства. Цель — воскрешение, исполняемое совокупностью сынов человеческих. Должно подняться против смерти всем миром, всем людом для обращения слепой рождающей и умерщвляющей силы в управляемую разумом ради восстановления всех бывших поколений.

Необходимо выяснить основную ноту психологической установки Толстого: либо влияние главной мысли Федорова — отрицательное отношение к смерти — получает подтверждение, либо оказывается, что Толстой физического мира не любил.

Ссылаясь на Тенеромо, автор имел в виду лишь передаваемое им мнение Ге. Воспоминания Горького — это взгляд огромного художника, и более яркой характеристики Толстого мы не имеем. Усмешка Толстого в Психологическом Обществе могла быть усмешкою робости, неловкости за слушателей и за себя.

Вопросом о жизни после смерти Толстой не интересовался. Чужда ли была Толстому мысль о воскресении во плоти? Для утверждений докладчика это не так важно. Но что она была ему не столь чужда, может быть подтверждено рядом категорических справок, как, например, ответ Толстого Л. П. Никифорову¹⁰. Момент перелома мировоззрения Толстого заключался в том, что Толстой впервые взял мысли о положительном значении смерти под свою

ответственность. В «Анне Каренине» Сережа изучает священную историю и запоминает только то, что ему идет в душу; он забывает имена всех ветхозаветных патриархов, кроме — Еноха. Он не верил, что все любимые им люди и он сам умрут. Но Енох не умер. Почему же не всякий может заслужить это? Ясно, что это идеи из детства Толстого. И вот, в 70-х гг. Толстой подошел к такому рубежу, когда надо было решить, сказать это или нет. Доклад имел в виду: снова приблизить к загадке влияния того человека, с которым Толстой гордился жить в одно время, поставить проблему взаимодействия таких крупных лиц. Н. Ф. Федоров родился в 1928 г.¹¹, умер в 1903 г. В 1928 г. исполняется 25 лет со дня его смерти. Желательно было бы получить к этому времени от толстоведов новые данные к ответу на поставленный вопрос.

Заседание закрывается в 22 ч. 15 мин.

Председатель: Н. К. Гудзий
Ученый секретарь: Д. Усов.

п/с русской литературы Литературной Секции ГАХН
10/II-28 г.

**ТЕЗИСЫ К ДОКЛАДУ А. К. ГОРНОСТАЕВА
«Л. Н. ТОЛСТОЙ И Н. Ф. ФЕДОРОВ»**

1. Н. Ф. Федоров, с которым Л. Н. Толстой «гордился жить в одно время», принадлежал к числу тех немногих современников, в сношениях с которыми приоткрывалось подлинное лицо Толстого. История духовного роста Толстого, процесс кристаллизации его мировоззрения не могут быть до конца правильно поняты, если не принять в расчет того влияния, какое оказало на автора «Исповеди» знакомство его с образом мысли Федорова.
2. Биографические данные и свидетельства современников устанавливают, с одной стороны, определенный интерес, влечение Толстого к построениям «Философии общего дела», а с другой — постоянное пугливое от них отгораживание.
3. Острие кажущегося разногласия обоих мыслителей сводилось к неодинаковой оценке ими смерти, которую Толстой провозгласил «недурной вещью», в чем Федоров усматривал с его стороны сознательное лицемерие.
4. Однако подобные утверждения Толстого были лишь сознательно-стыдливой маскировкой его исключительной жажды жизни и глубочайшего отвращения к смерти.

5. Кризис мировоззрения и всей жизнеустановки Толстого в конце 70-х годов, связанный с обострением в нем чувства смертности, разрешился психическим взрывом в результате ознакомления с единственным известным ему учением, абсолютно непримиримым в отношении смерти.
6. Потянувшись к учению Федорова, но оказавшись не в силах целиком взять на себя ответственность за смелые мысли никому неведомого библиотекаря, Толстой пробовал было продвинуть эти мысли в умы современников: он пытался добиться признания Федорова-мыслителя в научно-философских кругах Москвы; и лишь потерпев в этом решительную неудачу, а вместе с тем не вынеся чрезмерной требовательности Федорова, отстал от личного общения с последним и окончательно отошел на свои толстовские позиции.
7. Однако — скрытый пафос всей дальнейшей деятельности Толстого, обусловивший преимущественную силу и яркость отрицательно-критических элементов его учения, может быть понят как имеющий своим тайным источником гневное презрение к «образованным» современникам, не способным внимать тому, что самому писателю казалось наиболее заслуживающим внимания.

А. Горностаев

